

Школа-восьмилетка

В конце 1963 года вновь возник вопрос о качестве обучения в школе. Реформа среднего образования преобразовала десятилетку в одиннадцатилетку, ввела в расписание уроки труда, практику на производстве. Одним нововведение нравилось, другие роптали, что ученикам приходится тратить драгоценное время на «изучение» рубанков с напильниками. Третьи считали одиннадцатилетнее образование роскошью, уделом избранных высокоталантливых юношей и девушек. Мнение последних разделял и академик Лаврентьев. Он всем своим весом продавливал переход на восьмилетнее обучение, считал, что оно даст среднему человеку достаточно знаний для дальнейшей жизни, работы, карьеры. По мнению академика, подавляющее большинство юношей и девушек последующие два-три года в десятилетке или одиннадцатилетке проводят без пользы для будущего. Жизненные пристрастия, если таковые имеются, к тому времени уже в значительной степени определились, а их еще три года «стригут под одну гребенку», забивают головы знаниями, которые сразу после получения аттестата забываются или оказываются бесполезными для одних и недостаточными для других. Аттестат им требуется только как пропуск, дающий возможность еще через пять лет получить диплом о высшем образовании, в большинстве случаев все равно каком, лишь бы это были «корочки» попрестижней. С другой стороны, истинные таланты из деревень, поселков, городков в высшие учебные заведения не попадают, они забиты «блатными», там учатся дети столичной интеллигенции, научных работников, администраторов. В направленной отцу 10 июня 1963 года записке Лаврентьев предлагал провести «широкую специализацию старших классов средних школ, создавать специализированные физико-математические школы-интернаты, стирающие различие между молодежью города, деревни и рабочих

поселков, вызванное не наличием одаренности, а разным уровнем преподавания в средней школе».

Эта записка инициировала обсуждение вопроса о средней школе на Президиуме ЦК 23 декабря 1963 года. Лаврентьев там присутствовал и выступал в своем новом качестве председателя Совета по науке.

«Сейчас положение с подготовкой молодых специалистов неблагополучно, – говорит он. – Это общее мнение педагогов. При существующей системе 8/11-летнего образования оценки большинству учеников натягиваются, здоровые парни не только сами ничего не делают, но и разлагают других. Если не хочет учиться, пусть идет работать. После восьмиклассного образования следует принимать в одиннадцатилетку по конкурсу. Все, что дается бесплатно, – не ценится. Нужен труд».

Дальше академик углубляется в детали того, что надо преподавать в школе, а что следует отнести к «шелухе» и выбросить из учебного расписания. Отец солидарен с Лаврентьевым, всеобщим обязательным надо сделать восьмилетнее образование, а в одиннадцатилетку принимать людей талантливых, с отбором. Остальные пусть идут на производство. Кто хочет, поступит в вечернюю одиннадцатилетку и сможет учиться дальше. Кто нет – тоже не беда.

«Доступ к высшему образованию нельзя закрывать никому, – продолжает он. – Надо разнообразить способы получения образования». Тут отец приводит в пример меня, поступившего в институт сразу из школы и ставшего инженером в 23 года. Он мною доволен, но не переоценивает мои способности, считает мои инженерные достоинства среднестатистическими, «а вот, если бы он (то есть я. – С. Х.) окончил восемь классов и года четыре поболтался в рабочих и только потом пошел в вуз, то инженер из него получился бы сильнее», – заключает отец.

Отца поддерживают Ворошилов и Полянский. Микоян, как обычно, сомневается, с одной стороны – соглашается, с другой – не то чтобы возражает, но полагает, что люди со связями все равно найдут лазейку, пропихнут своих чад в университеты.

«Должно быть два типа школ: восьмилетка и одиннадцатилетка, – рассуждает Анастас Иванович, – надо сделать так, чтобы учеба была связана с трудом, но, если в этом возрасте детей оторвать от образования, то это неправильно». Микоян говорит долго, к концу его выступления все уже устали.

Отец предлагает «сейчас обсуждение прекратить, подумать, вопрос доработать в Совете по науке, прикинуть, а потом вернуться к нему снова».

«Доработать» вопрос поручили Совету по науке вместе с Министерством среднего и специального образования и Академией педагогических наук. На это ушло три месяца. Все считали, что восьми лет в школе для среднестатистического ученика достаточно.

9 апреля 1964 года Совет Министров принимает Постановление «О дальнейшем улучшении высшего и среднего специального заочного и вечернего образования», а 10 августа 1964 года Президиум Верховного Совета своим указом вносит изменения в закон от 1958 года «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы образования в СССР».

Восьмилетка просуществовала недолго. После октября 1964 года Брежнев, к всеобщему удовольствию, вернул все к прежнему состоянию.

Кто прав: Лаврентьев с отцом или их оппоненты? Я принадлежу к тем, кто не мыслит себя без диплома. Да и общая тенденция в мире, похоже, склоняется к тому же.

С другой стороны, нельзя не согласиться и с Лаврентьевым – большинство людей знаниям, полученным в последних классах школы, применения не находит. Математические, химические формулы тут же улечиваются из одних голов, а гуманитарная «шелуха» – из

С. Н. Хрущев. «Никита Хрущев. Реформатор»

других. Селекция на более ранней стадии, а именно ее предлагал Лаврентьев, в этом свете представляется рациональной, позволяет сэкономить и ресурсы, и время.

А как же общий уровень развития? Интеллигентность? Право, не берусь судить.